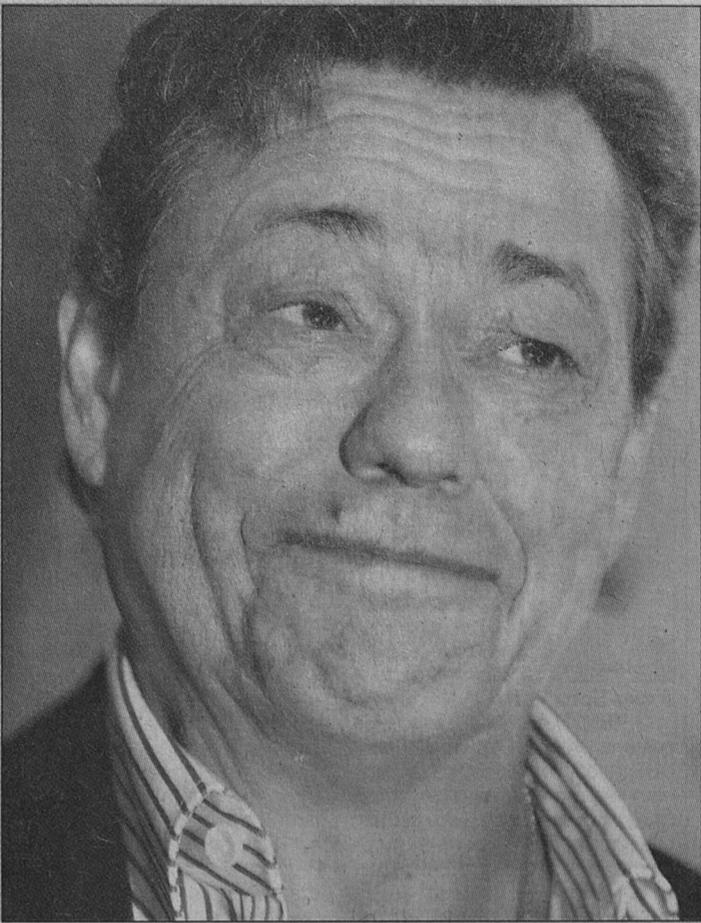

С. 19

Николай КАРАЧЕНЦОВ: Я всегда хотел выглядеть солидным человеком

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ

Договориться с Караченцовым о встрече, да еще незадолго до юбилея, который актер отмечает завтра, — непросто. Перед спектаклем, даже перед старым, Караченцов старается не отвлекаться. Поэтому мы встретились на съемках сериала «Счастье ты мое», где он играет вместе со своей партнершей по театру Александрой Захаровой. Снимали в одном из красивейших особняков, в старинной московской усадьбе. Во дворе к артисту подходили то охранники, то прохожие — просили автограф. И всегда в ответ: «Пожалуйста. Спасибо вам за слова», — и улыбка.

— Николай Петрович, у вас просто сумасшедший ритм жизни: спектакли, съемки, гастроли, концерты и Школа степа, в которой вы преподаете... Нет ощущения загнанной лошади?

— Нет, это норма. Мне даже врач-психолог сказал: «Вам отдыхать можно только десять суток. После этого вы полезете на стенку».

— Это у вас с молодости такой диагноз?

— Да. Другое дело, что с опытом я научился выключаться.

— Как?

— Я легко сплю в самолетах, поездах. Когда на съемках переставляют свет, двадцать минут меня нет.

— Как вы выбираете роли: что приоритетно?

— Если это не «Ленком», то это, естественно, качество материала. То есть драматургия, интрига — завязка, кульминация, развязка. Еще важен масштаб характера, который нужно сыграть, неординарность, емкость личности. И чтобы я такого еще не играл — хочется же раскрыть в себе новые качества. Сегодня мне уже важно и кто режиссер. Если я совсем его не знаю — выясниваю, что он снимал. Важна компания. Это основные позиции.

— А разве лет двадцать назад вам было не важно имя режиссера и компания?

— Мы развиваемся. Когда я начинал, мне было важно просто сниматься, набивать руку. Театр и кино — это разные качества, и нужно научиться чувствовать объектив, существовать в особом киношном режиме.

— А если режиссер слышит неприятным и непорядочным человеком, но талантливым, вы будете с ним работать?

— Одного футболиста спросили: «Что лучше: когда тренер —

друг, брат и душа компании, или когда деспот и тиран?» И тот ответил: «Только деспот и тиран, иначе мы все проиграем». Я же с этим человеком не за стол сажусь, а иду в работу. Тем более, мне как-то рассказывали об одном режиссере — он жуткий, с ним невозможно, а у меня почему-то удачно сложились с ним отношения и я с радостью вспоминаю нашу работу.

— Самые яркие съемки можете вспомнить?

— Я так много наснимался, что боюсь кого-то обидеть. Есть режиссеры, которые просто стали моими друзьями. Это и Володя Бортко, и Саша Муратов, и Алла Ильинична Сурикова, и Светлана Дружинина, и Игорь Масленников. И Виталий Вячеславович Мельников, у которого я снимался в картине «Старший сын». Мы были еще молодыми, все только начинали и так сдружились, что до сих пор, встречая Мишу Боярского, Свету Крючкову или москвичку Наташу Егорову я чувствую, что мы одна семья, родные люди.

— Вы снимались там с Евгением Леоновым...

— И как же нас опекал Евгений Павлович! Нянькался с нами, цацкался. Во время съемок мы спорили с ним на равных до хрипоты — я же все-таки Школу-студию МХАТ окончил, человек до-тошный, мне все надо разложить по полочкам. Когда аргументы иссякали, он просто начал показывать — и все! Мы с Мишкой падали от хохота: «Все, Евгений Павлович, убедил!» Но тем не менее никто не смел сказать ему после съемки: «Женька, пошли чаю попьем!» В этом, наверное, и есть истинная интеллигентность человека. С одной стороны, он абсолютно демократичен, с другой — у него есть чувство собственного достоинства. Этому надо учиться.

Евгений Павлович далеко не был таким душкой, к которому можно было запросто подойти и фамильярно обратиться. А я столько раз видел, как на улице какие-нибудь пьяницы прилипали к нему — он же много таких ролей сыграл. В жизни же он был умнейший, интеллигентнейший, очень образованный, тонкий, ранимый человек. Я думаю, Сарафанов в «Старшем сыне» — одна из лучших его киноработ.

— Вам повезло в самом начале театральной биографии играть с Леоновым в «Тиле»...

— И ни один спектакль у него не был похож на другой. Всегда все новое. А помогал Евгений Павлович до такой степени, что нас в буквальном смысле подкармливал. Бывало, на съемках в гостинице мы шли вместе в буфет, и смотрим — он за всех нас платит.

— Вот вы, например, приезжаете в город, где уже не первый раз. И что?

— Есть города, где не устаешь смотреть новое. Тот же Питер. В этом отношении кино помогает: представляете — сниматься во дворце Юсупова, например? Есть такой актер Театра Моссовета Анатолий Адоскин — он меня как-то водил, показывая свой Питер. Другой человек показывал Петербург Достоевского, рассказывал, что такое Сенная площадь... В Киеве мне не лень сходить в Музей Булгакова. Правда, у меня еще много тен-

кому какую роль дать, чтобы его раскрыть полнее? А главное, что Захаров собрал удивительно разнообразную труппу, наверное, одну из самых мощных актерских команд. Наш театр, извините за слово, так долго на плаву, что даже трудно себе представить. Он и сегодня самый эпатажный, самый модный. А для меня — и самый хороший. И все это Марк Захаров. Его трудно спрогнозировать. После спектакля «Юнона и Авось» появились «Три девушки в голубом». Было ощущение, что это ставил другой режиссер — другая эстетика, другой язык. И сегодня Захаров далеко не такой, как вчера. Помоему, он стал больше доверять актеру. И выражение Станиславского, что режиссер умиряет в актере, к нему абсолютно подходит — он всегда добивается от актера очень тонкой психологической вязи. И как никто чувствует время.

— Но бывает же, что вы с ним в чем-то не согласны? С идеей какой-то сцены?

— Когда-то давно мы репетировали спектакль «Жестокие игры». Марк Анатольевич тогда увлекся одним направлением — добиваясь правды от актера, мог бесконечно смотреть, как тот играет настолько правдиво, что нельзя оторваться. Не знаю, кто меня ткнул за язык, но я ляпнул: «А мне, Марк Анатольевич, неинтересно на это смотреть, я

скался. И даже если что-то в спектакле не складывается, все должно быть отмечено захаровской маркой качества. Я для себя придумал: если у меня даже все совсем уж из рук вон, я любым способом обязан сделать так, чтобы зритель ушел с ощущением, что он был на лучшем спектакле Караченцова.

— Вы много лет дружите с Инной Михайловной Чуриковой. Это началось с «Тили»?

— Да, она тогда только пришла в театр. Это был 1974 год. Мы познакомились. С первой минуты работы мне было с ней очень легко и комфортно. У нас довольно быстро возникла симпатия друг к другу. Она почти сразу позвала к себе в гости. Она верный друг, очень близкий для меня человек. Когда она вступает за друга, по себе знаю — ведет себя просто как танк. Невзирая на лица. Естественно, у нас тоже случались ссоры и даже скандалы. Иногда из-за пустяка, на ровном месте, потому что она безумно эмоциональный человек. Но я перед ней просто преклоняюсь: она всегда найдет форму как извиниться, попросит прощения, когда ее охватывает паника, что мы можем потерять друг друга. Она способна первой кинуться ко мне, тупому, который ходит с обиженной мордой: «Коленька, ты на меня обиделся? Прости, что-то мы...» Это так трогательно. Я ценю это бесконечно.

куплю» — это ее реакция. «Я и сам могу». — «Нет, я хочу тебе подарить!». Она очень заботливая. Мы с ней немало вместе поехали и сейчас ездим: «Сори» — спектакль мобильный, на двоих. Так вот, я много курю, и не просто курю, а «Приму». И когда мы едем с ней на гастроли, Инна периодически покупает для меня сигареты с фильтром: «Все равно же ты будешь курить, так кури приличные, а не это гадость!» Я считаю, она просто чудо какое-то.

— Николай Петрович, бродяги в голове какие-нибудь особенные юбилейные мысли?

— Во-первых, я так устроен, что некогда об этом задумываться. И если бы пресса меня не прессовала, вспомнил бы, наверное, не раньше чем за день: ой, надо ребят позвать!.. Потом, знаете, профессия, наверное, во многом помогает. Татьяна Ивановна Пельцер была самой молодой в нашем театре. И не потому, что бегала быстрее всех. А потому что не уставала удивляться. Детскость восприятия мира есть черта творческого человека. Она не уставала учиться профессии. Каждый раз волновалась, выходя на сцену... Но я вообще считаю, что чем значимее артист, тем он больше волнуется. Ему стыднее плохо сыграть. От него уже ждешь...

— А если бы у вас появилась возможность вернуться в какой-то период, чтобы вы выбрали?

— Пожалуй, ни в какой. Когда я был молодым, в 20, 25 и даже 30 я очень хотел выглядеть старше, солиднее. И не получалось. Я надевал маску и... опять срывался. Вот и сейчас иногда срываюсь.

— Но бесконечные переезды, когда уже не двадцать — не тяжело?

— Когда-то еще давно у меня был тяжелый переезд. Я снимался в картине Юрия Николаевича Озерова «Солдаты свободы», это была одна из первых моих ролей в кино. И мне нужно было из Чехословакии попасть в Вильнюс, куда театр ехал на гастроли. Получилось две машины, поезд и два самолета. Если в цепочке что-то рвалось — я опаздывал на спектакль. И это был кошмар. В поезде я не мог заснуть. Пошел в тамбур курить, и мы разговорились с каким-то мужчиной. Я стал жаловаться на судьбу, но он ответил: «И не стыдно, молодой человек? Да это же самое интересное — путешествовать, открывать для себя новые места, встречаться с людьми. Вам профессия за так дает эту возможность. Так что не гневите Бога и радуйтесь жизни!» Что я и пытаюсь делать до сих пор. Я, конечно, стал сейчас немного спокойнее ко всему относиться, потому что очень уж много ездю. Но все равно: возкал, запах колес, поезд сейчас вот-вот куда-то рванет... У меня внутри все замирает, и сердце начинает колотиться.

Николай Караченцов в спектакле «Шут Балакирев»

нисных друзей, которые меня всегда ждут. Я приезжаю — а корт уже готов.

— Ваше отношение к Марку Анатольевичу Захарову как-то изменилось со времен вашей молодости?

— Это непререкаемый авторитет. Лидер, определяющий лицо театра. Он же не только режиссер. Ведь художественный руководитель театра — это что-то особенное, нужно не просто хорошо ставить спектакли, но еще быть и папкой, и мамкой, утирать нос и слезы, а то и вовремя огреть плеткой. Вот как это: быть хозяйственным — и в то же время думать,

пять минут посмотрел, а если они еще час это будут делать, я засну». Ну сказал и сказал. Идет репетиция. Другая сцена. Я за кулисами «заряжаюсь» на свой выход. И вдруг слышу, как по громкой связи Марк Анатольевич запрашивает: «Николай Петрович с нами?» — «Да, я здесь», — отвечаю. Выхожу на сцену, а он и говорит: «Я придумал, как вам ответить...» Вот это Захаров.

— Что вы делаете, когда чувствуете, что у вас в спектакле что-то идет не так?

— Захаров нас все время учил, что театр заявляет планку, ниже которой мы не имеем права опу-

— Вы Инну Михайловну очень хорошо знаете. Тем не менее она может вас и сейчас удивить?

— Да, и не только как актриса (например, такой, как в спектакле «Все оплачено», я ее никогда не видел), а своими неожиданными поступками и талантами. Например, на мой день рождения она сочинила поэму в стихах. Причем так лихо, так классно! Я от нее такого не ожидал. Она любит и принимать подарки, и дарить. Вот едем на гастроли. Около вокзала стоит киоск, и я, разглядывая витрину, говорю: «Ой, какие часики!» — «Давай, я тебе

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ